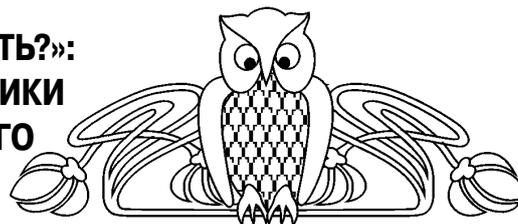

УДК 811.111'373

«ВЫВОДЫ СДЕЛАЛИ ДЛЯ СЕБЯ? ИЛИ ВАС ЗДЕСЬ КАК ПОСТОЯННЫХ КЛИЕНТОВ ЖДАТЬ?»: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЬИ И ПОДСУДИМОГО

Т.В. Дубровская

Пензенский филиал Международного независимого
эколого-политологического университета
E-mail: dubrovskaya@sura.ru

В статье исследуется судебный дискурс, а именно особенности речевого взаимодействия судьи и подсудимого в ходе судебного допроса. Автор выделяет три типа тактик в речи русских и английских судей в соответствии с выполняемыми ими функциями. В работе отмечена национально-культурная специфика речи русских судей, обусловленная рядом социальных факторов и чертами национального менталитета.

Ключевые слова: судья, допрос, тактики, русский, английский.

«Have You Come to any Conclusions? Or Should You be Expected Here as Customers?»: Pragmalinguistic Characteristics of the Judge's Interaction with the Defendant

T.V. Dubrovskaya

In the present paper the author focuses on courtroom discourse, namely on particular characteristics of speech interaction between the judge and the defendant. The author points out three types of tactics in speech of Russian and English judges depending on the functions they perform. Nationally specific features of Russian and English judges' speech are being discussed in the paper; the features are predetermined both socially and in terms of national mentality.

Key words: judge, defendant, examination, tactics, Russian, English.

Жанр допроса является комплексным, с несколькими участниками, преследующими каждый свои цели. Это представители обвинения и защиты, свидетели, эксперты, судья. Разные аспекты судебного допроса изучались отечественными и зарубежными исследователями. Ученые выявляли отличия коммуникации в зале суда от повседневного общения с точки зрения организации мены ролей¹, рассматривали различные типы вопросов и составляли их классификации², исследовали особенности допроса «уязвимых» свидетелей, в том числе детей, умственно отсталых людей, глухих свидетелей³.

В данной работе мы рассмотрим типичные ситуации взаимодействия русских и английских судей с подсудимыми, выделим речевые тактики и конкретные языковые средства, используемые судьями для реализации асимметричной институциональной коммуникации. Мы проанализируем также национально-культурную специфику речи судей и объясним ее с точки зрения обусловленности правилами институциональной коммуникации и национального менталитета. Материалом для

исследования являются записи, сделанные автором в русских и английских судах (2007–2009 гг.), а также отдельные стенограммы английских судебных заседаний (1999 г.).

Тактики, используемые судьями в общении с подсудимыми, можно условно разделить на три основные группы:

- 1) тактики, целью которых является контроль процедуры и поведения подсудимого;
- 2) направленные на получение информации о событии преступления;
- 3) нацеленные на объяснение разных аспектов права.

Рассмотрим их подробнее.

Подсудимым, как и другим непрофессиональным участникам процесса, необходимы инструкции относительно правильных действий в суде, и судья дает такие инструкции, напоминая, если необходимо, о правилах судебной процедуры:

(1) Судья: *М., вставайте! Понятно вам, в чем вы обвиняетесь?* (15.12.2008);

(2) Судья: *Будете давать показания до дачи показаний свидетеля?*

Подсудимый: *Я уже давал.*

Судья: *Кому давали? Мне не давали.* (10.12.2008);

(3) Judge: *Would you like to sit down? Please, do.* (3.12.2007)

В примере (2) подсудимый, не знакомый с порядком судебного процесса, думает, что показаний, данных им в ходе следственных действий, достаточно. Судья сразу же дает ему понять, что это не так. Обратим внимание на использование судьей местоимения 1 л. ед. ч. *мне*, подчеркивающее его личную власть в зале суда и неравенство статуса коммуникантов.

Тактика инструктирования подсудимого относительно его поведения после того, как он покинет зал суда, используется английским судьей. Перед объявлением перерыва он просит подсудимого не обсуждать показания после того, как он покинет зал суда:

(4) Judge: *Mister Campbell, we get a break now. You must not talk with anyone about evidence.* (3.12.2007)

За разрешением на совершение определенных действий в зале суда, в том числе и связанных с нестандартными ситуациями, подсудимый должен обратиться к судье. В следующей ситуации подсудимый, чувствуя недомогание, сообщает об

этом судье, который разрешает ему вернуться на скамью подсудимых, а затем и покинуть зал суда:

(5) *Defendant: Excuse me please. I really don't feel very well, my Lord.*

Judge: Very well. Mr. Henriques, Dr. Shipman does not feel very well. We will have a short break.

Prosecutor: Certainly, my Lord.

Judge: Sorry to interrupt. Very well. Dr. Shipman. If you would like to go back into the dock area please... You may leave the dock area immediately and go below. (2.12.1999)

Судья также делает подсудимым замечания относительно громкости голоса. Недостаточная громкость голоса может привести к искажению информации и, как следствие, неверному судебному решению:

(6) *Судья: С., рассказывайте.*

Подсудимая начинает говорить.

Судья: Громче говорите. (15.12.2008)

Отечественный протокол предусматривает информирование судьей всех участников процесса об их правах и обязанностях, и судья объясняет это в начале процесса. Непосредственно перед допросом подсудимого судья напоминает ему о его правах, сопровождая напоминание запросом фактической информации:

(7) *Судья: Я напоминаю вам права подсудимых. Вы вправе отказаться отвечать на вопросы, вправе добровольно возместить материальный ущерб. Возместили ущерб? (10.12.2008)*

То, что судья дополнительно обращает внимание подсудимого на его права, может расцениваться как проявление стремления обеспечить справедливый, соответствующий процессуальным нормам ход допроса. Пример (8) из английского процесса также иллюстрирует внимательное отношение судьи к правам подсудимого, в том числе и гарантированный доступ к тем документам, которые используются сторонами обвинения и защиты. После обращения к нему подсудимого по поводу отсутствующих документов судья дает указание подождать, пока документы принесут:

(8) *Prosecutor: Dr. Shipman, finally, I want to deal please with one wholly separate matter and if you have got the jury bundle in front of us it is moving in fact right to the end of the jury bundle, what are described as formal admissions?*

Defendant: I don't have them, my Lord.

Judge: The document should be there. It may not have been inserted in the witness's bundle. Just wait until one is provided to you. (handed)(2.12.1999)

Отметим, что со своей проблемой подсудимый обращается к судье, а не к адвокату, делающему ссылку на документ, что свидетельствует о главенствующем положении судьи на процессе.

Что касается властных интонаций в речи судьи, нам представляется показательной ситуация, когда подсудимая хочет взять речевую инициативу и задать вопрос потерпевшему, выбрав для этого неподходящий момент. Судья останавливает подсудимую и возвращается к ее просьбе позже,

предоставляя возможность задать вопрос потерпевшему:

(9) *Подсудимая: Можно вопрос?*

Судья: Подождите. Я вопросы задаю...

Судья: Какой у Вас вопрос?

Подсудимая: А почему, Олег, ты ничего не говоришь про нашего общего ребенка? (15.12.2008)

По нашим наблюдениям, набор тактик, применяемых судьей в отношении подсудимого для регулирования обстановки в зале суда и соблюдения регламента судебного заседания, совпадает с набором его тактик по отношению к другим допрашиваемым. Именно эти тактики составляют основу общения судьи с подсудимым на английских процессах, где инквизиционная роль судьи минимизирована.

Несмотря на ключевую роль установления фактов и воссоздания событий преступления, русские и английские судьи используют ряд тактик, направленных на реконструкцию событий прошлого. Отметим сразу, что степень активности русских и английских судей различна. В нашем материале есть примеры того, что допрос подсудимого происходит практически без единой реплики со стороны судьи. В отечественном судопроизводстве судья по-прежнему достаточно активен и всегда использует свое право допросить подсудимого после допроса его сторонами.

Речевая роль судей в русском и английском судах различается не только по количеству высказываний и их объему. Сами способы установления фактов, связанных с преступным деянием, качественно различны. Ключевая тактика английских судей – это тактика переспроса и уточнения уже сказанного подсудимым, тогда как русские судьи задают целые серии вопросов, направленных на раскрытие новых фактов и часто требующих развернутого ответа. Рассмотрим примеры. В примерах (10), (11) английский судья повторяет за подсудимым фрагменты его показаний с вопросительной интонацией, подталкивая подсудимого к завершению высказываний, которые он, по-видимому, не расслышал либо желает уточнить:

(10) *Defendant: She stayed very angry.*

Judge: Stayed...?

Defendant: Stayed very angry (3.12.2007);

(11) *Judge: I miss something. As I was leaving...?*

Defendant: As I was leaving I took car keys and a wallet, and some money. (3.12.2007)

В последнем примере судья предваряет переспрос объяснением причины («I miss something» – «Я кое-что упустил»).

В других ситуациях английский судья использует для уточнения фактов утвердительные высказывания и общие вопросы, предполагающие подтверждение либо отрицание со стороны подсудимого и не ведущие к выявлению новой, дополнительной фактической информации:

(12) *Defendant: I packed her clothes...
Judge: You packed all her clothes up? In expectancy she would collect them.*

Defendant: That's correct. (3.12.2007);

(13) *Judge: That's the text that Alison sent to you?*

Defendant: Correct. (3.12.2007);

(14) *Judge: Sorry. Did you want to speak to him?*

Defendant: Yes. I wanted to speak to him. (3.12.2007)

В примерах (12), (13) подсудимый подтверждает правильное понимание фактов судьей стандартной для суда речевой формулой «Correct», «That's correct» (Правильно), а в примере (14) – словом «yes» (да) и утверждением на основе поставленного судьей общего вопроса.

Русские судьи для получения фактической информации от подсудимого также используют значительное количество общих вопросов, требующих ответов «да/нет», которые и дает подсудимый:

(15) *Судья: Впоследствии вы видели, как она тратит деньги?*

Подсудимая: Да.

Судья: Вы ей все отдали?

Подсудимая: Нет.

Судья: То есть вместе тратили. (15.12.2008);

(16) *Судья: Заявление сами написали?*

Подсудимая: Да.

Судья: Никто вас не заставлял, не бил в милиции? Не угрожал?

Подсудимая: Нет. (15.12.2008)

Достоинство общих вопросов, если рассматривать их с прагматической точки зрения, состоит в том, что они не допускают увильвания и требуют однозначного ответа. С другой стороны, ответы на общие вопросы не предполагают сообщения дополнительной информации, что ограничивает их возможности в открытии новых обстоятельств дела. С этой целью судья использует специальные вопросы:

(17) *Судья: Сколько у вас денег осталось, когда вы в Пензу вернулись? Примерно? Ну, сколько вы потратили? Давайте так подсчитаем. (15.12.2008)*

(18) *Судья: А квартиру на сколько снимали?*

Подсудимая: На трое суток.

Судья: То есть трое суток. (15.12.2008)

В особую группу в речи русских судей можно выделить вопросы, посредством которых судья выясняет причины и цели поступков, совершенных подсудимыми. Языковыми маркерами в таких вопросах являются вопросительные слова и сочетания «почему», «зачем», «для чего» и другие:

(19) *Судья: Вы говорили С., что это за деньги? Вы говорили, что вы без ведома взяли? Почему она согласилась взять краденые деньги? Не отказывалась она? (15.12.2008)*

В данном высказывании судья комбинирует несколько общих уточняющих вопросов с

выяснением причины совершенных действий. Интересно, что в примере (20), представляющем фрагмент допроса другой подсудимой по тому же делу, судья обращается уже к ней лично с теми же вопросами:

(20) *Судья: Зачем она вам эти деньги дала?*

Подсудимая: На хранение.

Судья: А чего ж вы не сохранили?.. Почему тратить начали? Или она вам подарила? Сказала: «Гуляй!»?

Подсудимая: Нет. (15.12.2008)

Вопросы судьи относительно цели преступных действий могут касаться как отдельно взятых действий в ходе преступления (примеры (21), (22)), так и совершенного преступления в целом (пример (23)):

(21) *Судья (к подсудимой, скупавшей золотые изделия на краденые деньги): Когда вы покупали, вы какую цель преследовали? (15.12.2008)*

(22) *Судья: А для чего приезжали, предлагали дверь С.?*

Подсудимый: Денег хотел заработать.

Судья: Ясно. (10.12.2008)

(23) *Судья: Что вас на кражу толкнуло? Денег не хватает? Зарплата у вас 7 тысяч. Работа непьющая. Что вас толкнуло на преступление? (10.12.2008)*

Тактика выяснения причины и цели совершения преступления представляется нам характерной только для русских судей. Подобных примеров в английских материалах мы не встретили.

Большое количество вопросов, адресованных подсудимым русскими судьями и направленных на выяснение обстоятельств, свидетельствует о том, что, несмотря на изменения в российском процессуальном законодательстве, русские судьи не отдали полностью инициативу в руки состоящих сторон и по-прежнему выполняют функции, характерные для судей в инквизиционной системе. До изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 г. судья мог задавать вопросы свидетелям и подсудимым в любой момент допроса их стороной обвинения или защиты. В настоящее время можно говорить о произошедшей в рамках допроса перестановке элементов и изменении места допроса подсудимого судьей, поскольку судья задает вопросы после допроса свидетеля или подсудимого сторонами процесса. Выполнение судьей инквизиционных функций нехарактерно для английских допросов, где роль судьи практически сводится к организации процесса и уточнению фактов в случае необходимости.

Речевому поведению русских судей свойственна еще одна черта, не отмеченная нами в поведении английских судей. Это оценочное отношение к подсудимому и значительная степень морализирования в общении с ним. В рассмотренных нами процессах подсудимые признавали свою вину, и наши дальнейшие рассуждения касаются только таких случаев.

Оценочное отношение судьи к подсудимому тесно связано с их статусом в зале суда. В определенном смысле это антиподы с точки зрения занимаемых ими позиций на процессе. Судья – это фигура власти, тот, кто руководит, дает правовую оценку, принимает решение, выступая от имени Российской Федерации и общества, интересы которого он защищает. Даже физическое положение судьи – на возвышении – демонстрирует его наивысший статус на процессе. Подсудимый – это человек, предположительно нарушивший закон и спокойствие общества. До вынесения приговора он, в зависимости от тяжести совершенного деяния, может конвоироваться в зал суда в наручниках и в ходе процесса находиться за решеткой. Эти очевидные материальные атрибуты низкого статуса подсудимого необязательны, однако их отсутствие не меняет статусного соотношения ролей. У подсудимого уже до принятия судом решения по делу самый низкий статус в зале суда, тогда как самое высокое статусное положение занимает судья. Это находит отражение в его речи, причем не только в тактиках руководства и контроля. По нашим наблюдениям, русские судьи оценивают действия подсудимого, а иногда и свидетелей, не только с точки зрения права, но и с точки зрения морали, т.е. берут на себя функцию «морального судьи». Мы считаем, что такое поведение русских судей можно считать проявлением очень важной черты русского менталитета – «судейского комплекса». Именно «судейский комплекс» лежит в основе ряда высказываний в речи русских судей, дающих оценку с опорой на категории морали и нравственности. «Судейский комплекс», по словам исследовательницы русского менталитета К. Касьяновой, связан с приматом нравственной сферы в области принятия решения и поступка⁴. Авторы оценок на основе «судейского комплекса» часто вникают в чужие проблемы, не касающиеся их лично, чтобы восстановить справедливость, моральные нормы. Разумеется, при восстановлении моральных норм невозможно избежать отрицательных оценок. Рассмотрим примеры отрицательной оценки на основе «судейского комплекса» в речи русских судей.

В примере (24) совершенное подсудимым преступление оценивается судьей как «дерзкое», а подсудимому адресован вопрос о причинах совершения преступления, сформулированный сначала с использованием жаргонной лексики, а затем на формальном языке:

(24) Судья: *Оснований думать, что машину продадут на запчасти, нет никаких. Дерзкое такое преступление. Ладно Х., он закоренелый. Вы-то че ломанулись туда? Прокурор спросил, вы так и не ответили. Причина совершения преступления какая была?* (10.12.2008)

Адресуя высказывание одному подсудимому, он дает оценку сразу обоим. Один из подсудимых характеризуется как «закоренелый»,

другой осуждается за то, что пошел на поводу у первого. Жаргонное «ломанулись» только подчеркивает неадекватность и неожиданность действий адресата.

В основе следующего высказывания судьи, подхватывающего слова прокурора, также лежит «судейский комплекс». Осуждая занятие подсудимой проституцией, прокурор указывает на печальные последствия этого для самой подсудимой, и судья подключается к этому осуждению:

(25) Прокурор: *Здоровье вы свое погубили...*

Судья: *Детишек-то нет? Светлана Геннадьевна, че дальше-то делать будете?* (3.03.2009)

Очевидно, что состояние здоровья подсудимой как таковое не является предметом рассмотрения в ходе судебного заседания. Однако прокурор и судья считают возможным обратиться к этой теме, осуждая не только противоправную деятельность подсудимой – организацию конторы интимных услуг, – но и ее безрассудное отношение к собственной жизни. Реплики из примера (25) напоминают разговор взрослых, которые распекают ребенка, совершившего проступок. Ситуация получает продолжение, когда судья и прокурор, решая дальнейшую судьбу подсудимой, переходят к обсуждению ее семейных проблем:

(26) Судья: *А мама куда у вас делась?*

Подсудимая: *Она больная. Ее сестра забрала в Тамбов.*

Прокурор: *Что с вами делать-то? Не плачьте.* (3.03.2009)

Обсуждаемые с подсудимой вопросы ее здоровья, семейных обстоятельств не имеют прямого отношения к сути дела, к совершенному преступлению. Однако выраженное вербально желание прокурора и судьи прояснить некоторые стороны ее личной жизни указывает на то, что прокурор будет просить судью об определенном наказании, а судья – принимать решение с учетом тех жизненных перспектив, которые вырисовываются перед подсудимой.

В следующем фрагменте диалога судья указывает на неблагоприятное, вызывающее осуждение поведение подсудимой, противоречащее ее статусу матери:

(27) Судья: *Ребенок ваш где и с кем находился, пока вы в Саранск ездили?*

Подсудимая: *С 3.*

Судья: *С 3.? То есть пока вы пили, гуляли, ребенок там находился?* (15.12.2008)

Важно то, что в данном фрагменте отрицательную оценку получают не собственно противоправные действия подсудимой, а сопутствующие им действия, вызывающие у судьи человеческое неприятие и моральное осуждение. В конце допроса судья вновь обращается к теме ребенка и несоответствия поведения подсудимой нормам, принятым в обществе. Видно, что моральное осуждение соединяется с правовой оценкой ситуации и озвучиванием возможного наказания:

(28) Судья: *Знаете, что за один эпизод до шести лет? Поедете тогда в Мордовию. (Намек на женскую колонию в Мордовии. – Т.Д.) А у вас ребенок. В школу пойдет в пятый класс – мама придет из Мордовии. Выводы сделали для себя? Или вас здесь как постоянных клиентов ждать?* (15.12.2008)

Вопросы в конце высказывания, обращенные к подсудимой, по сути представляют два возможных жизненных пути для нее: сделать выводы и вести законопослушный образ жизни либо продолжать совершать правонарушения и вновь оказываться на скамье подсудимых. Выбор жизненного пути остается, конечно, за подсудимой.

О.В. Красовская, характеризуя судебное общение, пишет: «Взаимодействие в суде обезличено и ориентировано на нефатическую коммуникацию»⁵. Мы согласны, что во многих ситуациях судебного взаимодействия это на самом деле так. Однако, как нам кажется, именно в отечественном суде встречаются такие ситуации, когда взаимодействие судьи и подсудимого выходит за рамки официального, формального общения, построенного на основе исключительно правовых категорий, и к нему добавляется личностная составляющая. Вопросы прокурора и судьи «*Че дальше-то делать будете?*», «*Что с вами делать-то?*» являются не только проявлением рефлексии самих говорящих субъектов, но и попыткой подтолкнуть подсудимую к раскаянию и размышлению, вызвать у нее чувство стыда за свои действия. Обращает на себя внимание и языковая форма заданных вопросов – неформальная, приближенная к разговорной, с использованием просторечного «че» и частицы «то», хотя и с сохранением вежливого «вы». Как нам кажется, осуждение и моральная оценка, призванные повлиять на эмоциональное состояние подсудимого, а в более широком смысле на его нравственные ценности, свидетельствуют о наличии в судебном общении фатической составляющей. В силу различия статусов судьи и подсудимого пересечение границ формализованного общения может происходить только в одностороннем порядке, по инициативе судьи.

Поступки, совершенные подсудимыми, – не единственный объект оценки с моральной точки зрения в речи отечественных судей. Русские судьи склонны оценивать подсудимых и в ситуации судебного процесса. Например, они оценивают показания подсудимых как заслуживающие или не заслуживающие доверия. Подсудимой, утверждающей, будто она не знала о несовершеннолетнем возрасте занимающихся под ее руководством проституцией девушек, судья адресует следующий комментарий:

(29) Судья: *Представьте себе, живете полтора-два года с человеком не знаете, сколько ему лет. Боже, я вас умоляю! Да это первая вещь, которой интересуются. Я токарем работал в 17 лет, и то знаю, в каком году станок выпущен. Чисто по-человечески интересно.* (3.03.2009)

Судья явно выражает сомнение в правдивости показаний подсудимой, прибегая к обычной житейской логике для аргументирования своей позиции.

В другой ситуации один из двух подсудимых отрицает факт употребления наркотика до совершения преступления и судья обращается к нему за уточнением, а затем комментирует ответ:

(30) Судья: *На самом деле приняли дозу?*

Подсудимый: *Нет.*

Судья (иронично): *Х. принял, а вы не принимали.* (10.12.2008)

И через некоторое время дает обобщенную оценку показаниям подсудимого:

(31) Судья: *Более правдоподобно звучит версия Х. Было скучно, и пойдём покатаемся.* (10.12.2008)

Оценочная позиция судьи по отношению к подсудимому, получающая вербальное выражение в ходе допроса, вступает в явное противоречие с ролью беспристрастного наблюдателя, которую судья должен играть в состязательной системе правосудия. Таким образом, мы опять наблюдаем в современном отечественном судопроизводстве отступление от норм состязательной системы правосудия.

Совсем не соответствует представлению о невозмутимом и беспристрастном судье иронично-снихождительный тон, который отечественные судьи часто выбирают для общения с подсудимыми. Как нам кажется, такая тональность общения отчасти объясняется привнесением со стороны судьи личностного начала и обычного человеческого отношения к тому что обсуждается в зале суда и к участниками процесса. В некоторых своих проявлениях личность подсудимого не может не вызывать удивления и осуждения, и реакцией на эти неадекватные проявления становится ирония судьи. Во время стандартной процедуры установления личности подсудимого и уточнения его анкетных данных выясняется, что тот не знает точной даты рождения своего самого младшего ребенка. Это, конечно, вызывает недоумение у судьи, который иронизирует:

(32) Судья: *В январе 30 дней. Под елочкой нашли?* (10.12.2008)

В другой ситуации судья выясняет у подсудимой, каким образом были потрачены краденые деньги, но она не дает внятных объяснений, упоминая только траты на спиртное. Судья обращается к ней с вопросом, заданным ироничным тоном: «*Что вы покупали на 7 тысяч? Пиво?*», – давая понять, что потраченная сумма явно выходит за рамки разумных трат на спиртное. Ситуация получает продолжение, когда подсудимая добавляет в список покупок товары бытовой химии, часть из которых она якобы оставила потерпевшему. Судья объединяет показания в достаточно комичную картинку:

(33) Судья: *А из бытовой химии вы ему что оставили? Памперсы? После большого количества пива.* (15.12.2008)

Видно, что ирония используется судьями как специфическое средство указания на неувязки в показаниях подсудимых, на их неправдоподобность. Так, в ходе допроса выясняется, что подсудимые потратили 1500 рублей, чтобы доехать на такси до Саранска, но обратная дорога стоила уже 2500 рублей. Судья удивлен такой разницей в ценах, но не высказывает вслух своих сомнений в правдивости показаний, а предлагает свое ироничное объяснение:

(34) Судья: Пьяные, наверное, были. Надбавка идет за пьяных пассажиров. Знаете? (15.12.2008)

Ироничное отношение судьи может в некоторых случаях распространяться непосредственно на личность подсудимого. Мы наблюдали, как судья общается с подсудимым, которого видит далеко не в первый раз. По всей видимости, отношение судьи к этому человеку уже predetermined и, хорошо зная прошлое подсудимого, судья постоянно иронизирует над ним. Многочисленные судимости он называет «заочным юридическим образованием», а сообщение подсудимому о его правах, в том числе и о праве возместить материальный ущерб, он сопровождает ироничным вопросом:

(35) Судья: Вы вправе добровольно возместить материальный ущерб. Возместили материальный ущерб? Не заработали там? (10.12.2008)

Под словом «там» судья подразумевает места лишения свободы, где вряд ли можно заработать.

Важно, на наш взгляд, отметить тот факт, что для высказываний судьи, обращенных к подсудимым, характерно наличие сниженной, просторечной и жаргонной лексики. Такая лексика звучит в речи судьи как чужеродная, придавая дополнительное оценочно-коннотативное значение высказываниям. В некоторых случаях судья использует те выражения, которые были ранее использованы самими подсудимыми, например «в шоболы» как эквивалент «нетрезвый, очень пьяный» при описании состояния одного из потерпевших:

(36) Судья: А уехал он не в шоболы? (15.12.2008)

Что касается жаргонной лексики, то она используется судьями в первую очередь для обозначения реалий криминального мира. Деньги, которые собирались вкладчину девушками, работавшими проститутками, судья называет «общак». Использование жаргонной лексики может сочетаться с тактикой иронии:

(37) Судья: То есть, я так понимаю, с лета начали втроем ездить?

Подсудимая: Да.

Судья: Кто хранителем общака был? Кто деньги хранил?

Подсудимая: Никто.

Судья: Ну как никто? В почтовом ящике, что ли, лежали? (2.03.2009)

Кроме того, как нам кажется, применяя жаргонную лексику, судья опускается до уровня

подсудимого, разговаривает на его языке, дает ему понять, что хорошо знает предмет обсуждения и от него невозможно ничего утаить. Происходит своего рода языковая игра в «свои люди». Истоки такой игры надо искать за пределами зала суда. Дело в том, что многие отечественные судьи приходят в суды из органов следствия, где приобретают большой опыт и специфические навыки общения с представителями криминального мира. Позднее эти навыки и манера общения автоматически переносятся ими из следственных кабинетов в залы суда, где они не всегда представляются адекватными и отвечающими требованиям судебной коммуникации.

Среди других замеченных нами жаргонизмов – «клиентура», «рулить агентством», «выдвинуться к клиентам», «подтянуться», «мамочка». Жаргонизмы, просторечные слова, оценочная лексика, ирония могут сочетаться в одном высказывании, придавая речи судьи субъективное эмоционально-экспрессивное звучание:

(38) Судья: А кто сейчас рулит агентством? Куда обращаться, если че? Ирина? Я вчера посмотрел на нее. Боевая деваха! Не пропадет. (3.03.2009)

Таким образом, в речи русских судей общая стратегия получения информации от подсудимого сопровождается ярко выраженным отношением к подсудимому, его действиям и показаниям в суде, что получает соответствующее речевое воплощение.

Обращение к реальности права при общении с подсудимым минимально и сводится к тактике указания на возможное наказание за совершенное правонарушение. Также нам встретился пример того, как судья, по сути, дает юридическую оценку действиям одной из подсудимых, называя вещи своими именами («взять без разрешения» означает «украсть»):

(39) Подсудимая: Оставила 36 тысяч рублей.

Судья: Че сказала? Где взяла?

Подсудимая: У 3.

Судья: С разрешения?

Подсудимая: Нет.

Судья: Украла?

Подсудимая: Ну, взяла. (15.12.2008)

Однако подробного разъяснения правовых категорий со стороны судьи в адрес подсудимого нам не встретилось. Мы объясняем это тем, что соблюдение прав подсудимого гарантировано присутствием адвоката, с которым и решаются все вопросы специального характера.

Суммируя сказанное о взаимодействии судьи и подсудимого в ходе допроса, отметим, что тактики, направленные на регулирование судебной процедуры, универсальны для отечественного и английского суда. В тактиках, целью которых является получение информации о преступлении, напротив, проявляются особенности судебных систем и национальных менталитетов. Английские судьи чаще прибегают к переспросам и уточнению

уже сказанного, стараясь придерживаться роли молчаливого посредника. Отечественные судьи по-прежнему практикуют характерное для инквизиционной системы правосудия право задавать целые серии вопросов, общих и специальных, с целью выяснения обстоятельств дела. В особую группу мы выделяем вопросы русских судей о причинах и целях поступков, которые связываем с особенностями отечественного менталитета, в частности со стремлением оценить происходящее с моральной точки зрения. Оценочность и морализирование, направленные на подсудимого, оказываются ярко выраженными в речи русских судей и отражают такие черты русского менталитета, как «судейский комплекс» и стремление к вмешательству. Оценочность в речи судей придает формализованной в принципе судебной коммуникации личный, эмоциональный, фатический оттенок. Оценочность в речи русских судей часто проявляется в иронизировании над подсудимыми и их действиями. Для речевого взаимодействия судей с подсудимыми характерно использование жаргонной лексики, служащей для обозначения реалий криминального мира. Кроме того, на использовании просторечных и жаргонных слов построена речевая игра в «свои люди». Применяя такую специфическую лексику, судьи демонстри-

руют свою близость к реальной жизни, знание криминального мира и, по-видимому, рассчитывают оказать определенное психологическое воздействие на подсудимых с целью получения информации. Характеристики, отмеченные нами как специфические для русского общения, нередко сочетаются в одном высказывании, придавая речи русских судей эмоционально-оценочный характер, а общению – ярко выраженную асимметричность. Тактики третьего типа, связанные с обращением к правовой реальности, немногочисленны как в русском, так и в английском суде.

Примечания

- 1 Atkinson J.M., Drew P. Order in Court: the Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings. London, 1979.
- 2 Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003.
- 3 Eades D. Interviewing and examining vulnerable witnesses// Encyclopedia of language and linguistics. Elsevier, 2006. P. 772–778.
- 4 Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
- 5 Красовская О.В. О речевой коммуникации в судебной практике. М., 2008. С. 20.

УДК 811.134.2*366.52

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ. К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

В.Е. Федотова

Поволжская академия государственной службы,
кафедра немецкого и французского языков
E-mail: violanag@mail.ru

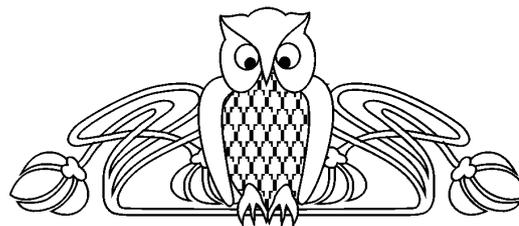
В статье проводится анализ употребления существительных общего рода в современном испанском языке: рассматриваются две основные тенденции их трансформации в рамках процесса языковой феминизации, обострившегося в последнее десятилетие, изучаются причины подобных изменений. Во второй части работы описываются основные события испаноговорящего мира, повлиявшие на искоренение лингвистической дискриминации по половому признаку в современном испанском языке официальных органов власти, средств массовой коммуникации, образовательных учреждений.

Ключевые слова: испанский язык, существительные общего рода, языковая дискриминация.

Common Gender Nouns in Modern Spanish. On the Problem of Linguistic Discrimination

V.E. Fedotova

The article analyses the way common gender nouns are used in modern Spanish. It examines and suggests reasons for the two basic

tendencies in the modification of the nouns under research within the situation of linguistic feminization (which has become rather widespread in the last decade). The second part of the article describes the main events in the Spanish-speaking world which have caused the eradication of sex discrimination in the modern Spanish language of official authorities, mass media and educational institutions.

Key words: Spanish language, common gender nouns, linguistic discrimination.

I

Как известно, существительные общего рода в испанском языке – это существительные, которые имеют общую неизменяемую форму для обоих родов. Артикль, стоящий перед таким существительным, служит для определения рода (например, *el testigo – la testigo, el artista – la artista, el ayudante – la ayudante, el joven – la joven*).

Большинство существительных общего рода заканчивается на *-a, -e* или на согласную, которой предшествует гласная, кроме *o*. Среди них особо многочисленны две группы:

1) слова с суффиксом *-ista*: *artista, cineista, periodista, socialista, oculista, taxista, especialista* и т.д.;